

А. ГИРДЕНИС

ОПЫТ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕВЕРОЖЕМАЙТСКОЙ АТТРАКЦИИ УДАРЕНИЯ

Предлагая новую интерпретацию северожемайтской аттракции ударения, мы не претендуем на оригинальность отдельных конкретных положений, поскольку различные аспекты этого явления исследовались и объяснялись почти всеми известными литовскими лингвистами от К. Явниса (Яунюса) и Й. Яблонскиса до Й. Казлаускаса и В. Гринавецкиса. В их исследованиях сформулированы многие рациональные и плодотворные положения, которые, к сожалению, здесь нельзя даже перечислить из-за ограниченности объема настоящей статьи¹. Все же следует обратить внимание на концепцию димонии (разобщения) сталкивающихся ударений К. Явниса², получившую признание Я. Эндзелина³, новаторские исследования Й. Казлаускаса⁴, раскрывшие несомненную связь аттракции ударения с позиционной долготой ударных гласных и редукцией безударных окончаний, новейшие наблюдения В. Гринавецкиса и З. Зинкявичюса⁵, показавшие исключительную роль морфологических факторов в развитии просодических систем литовских диалектов, наконец — на незаслуженно забытые изыскания Й. Яблонскиса⁶, в которых была показана некоторая факультативность жемайтского рецессивного ударения.

¹ Настоящая статья подготовлена на основании доклада, прочитанного нами на IV Всесоюзной конференции балтистов.

² Явнис К. Понежежские говоры литовского языка. — В кн.: Памятная книжка Ковенской губернии на 1898 год / Сост. К. Гуковский. Ковна, 1897, с. 225.

³ Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. — Rīgā, 1951, lpp. 32.

⁴ Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika (Kirčiavimas, daiktavardis, veiksmažodis). — V., 1968, p. 5–29.

⁵ Grinaveckis V. Kirčiavimo sistemos reikšmė kirčio atitraukimui. — Baltistica, 1973, t. 9 (2), p. 151–160; Его же. Žemaičių tarmių istorija (Fonetika). — V., 1973, p. 51–61; Zinkevičius Z. Kirčio atitraukimas ir kirčiavimo paradigmos. — Kalbotyra, 1979, t. 30 (1), p. 90–93.

⁶ См. Girdenis A., Piročkinas J. Jonas Jablonskis — dialektologas. — Kalbotyra, 1977, t. 28 (1), p. 34–35.

Основным стимулом настоящего исследования была и остается глубокая неудовлетворенность умозрительными субстратными построениями, в которых объяснения конкретных фактов и явлений заменяются ссылками на влияние недоступных для наблюдения вымерших балтийских языков. При этом не обращается внимание даже на мнение Я. Эндзелина⁷, вполне обоснованно полагавшего, что, напр., в куршском языке существовало не фиксированное, а свободное ударение. Этим, конечно, не утверждается, что, допустим, курши не могли оказать некоторого влияния на жемайтскую просодию. Такое влияние не исключено, но скорее всего оно было лишь косвенным: жемайты могли, напр., унаследовать некоторые „куршские“ контуры фразовой интонации, неблагоприятные для окситонического (конечного) ударения и полного вокализма конечных безударных слогов⁸. Но, к сожалению, мы не в силах это доказать, поэтому приходится довольствоваться анализом внутренних мотивов и условий перестройки восточнобалтийской и общелитовской просодической системы, которая в конце концов привела к современному северожемайтскому состоянию⁹.

Основные черты северожемайтской просодии слова хорошо известны, поэтому считаем необходимым обратить внимание лишь на два факта, которые до сих пор были неизвестны науке или значение которых по тем или иным причинам недооценивалось.

Во-первых, в жемайтском наречии нами обнаружены два типа акутовой (/ˆ/) и циркумфлексовой (/˘/) слоговой интонации, находящиеся в оппозитивных отношениях и выполняющие различительную функцию, ср.: *kāļts* 'долото' (а): *kāļts* 'битый' (б), *svēists* 'сливочное масло' (а): *svēists* 'брошенный' (б), *sāusi* '(вин. п. ед. ч.) январь' (а): *sāūsi* 'тлю' (б), *trāukę* '(он) тащил, тянул' (инф. *trāukte*) (а): *trāūķę* '(он часто) таскал, подергивал' (инф. *trāukl'tę*) (б), *brāukę* '(он) перечеркивал' (инф. *brāukte*) (а): *brāūķę* '(он часто) растирал, перечеркивал' (инф. *braukl'tę*) (б), *kāiš* '(он) чистит, скоблит' (а): *kāiš* '(он) будет чистить, скоблить' (б), *mēiš* '(он) разбавляет, смешивает' (а): *mēiš* '(он) будет разбавлять, смешивать' (б). Интонации первого типа (а) концентрируются на первом компоненте чистого или смешанного дифтонга; интонации второго (б) типа в значительной степени напоминают прерывистую и длительную интонацию латышского языка, циркумфлекс этого типа несколько выделяет и удлиняет второй компонент дифтонга. Гласные и дифтонги с интонациями первого (а) типа отличаются большей длительностью и четкостью тембра; „толчок“ (глоттальная смычка или полусмычка) акута первого типа, как правило, реализуется на первом компоненте дифтонга, а „толчок“ акута второго типа обычно реализуется приблизительно между компонентами.

⁷ Endzelīns J. Op. cit., lpp. 32.

⁸ Ср. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. — М.—Л., 1956, с. 147 и сл.

⁹ Некоторые из этих мотивов можно считать внутренними лишь с существенной оговоркой. Согласно нашей концепции, обязательным моментом в развитии просодических систем является распространение инноваций и их систематическая реинтерпретация в новых пунктах распространения (ср. Kuryłowicz J. Szerzenie się nowotworów językowych. — In: Esquisses linguistiques. Wrocław—Kraków, 1960, s. 87—94).

Особого внимания заслуживает тот факт, что интонации первого типа (наряду с некоторыми другими случаями) характерны для слов, восходящих к неподвижным (баритоническим) акцентуационным парадигмам, а интонации второго типа — к подвижным („окситоническим“) парадигмам¹⁰.

Во-вторых, в настоящее время можно считать полностью доказанным вышеупомянутое наблюдение Й. Яблонскиса. Северожемайтская аттракция ударения на самом деле представляет собой в некоторой степени факультативное явление. Наши полевые наблюдения и тщательное статистическое исследование Ю. Пабрежи¹¹ убедительно показали, что окситоническое ударение любого типа иногда сохраняется на окончаниях, если обладающее им слово эмфатически подчеркивается или просто является носителем логического (фразового или синтагматического) ударения. Вероятность отсутствия аттракции определяется географическими, фонетическими и морфологическими факторами. В южной части наречия она выше, чем в северной; на долгих окончаниях ударение сохраняется чаще, чем на кратких, в неизменяемых частях речи — чаще, чем в изменяемых, на вторичных окончаниях — чаще, чем на первичных, в парадигмах окситонических местоимений (таких, как *anàs* ‘он’, *katràs* ‘который’) — значительно чаще, чем в подвижных парадигмах имен существительных и прилагательных¹². Эти исследования выявили и некоторую (правда, уже находящуюся на грани полного исчезновения) тенденцию к колумнальной акцентуации — склонность старшего поколения носителей говоров хотя бы факультативно переносить ударение на ту морфему (или же сохранить его на той морфеме), на которую оно перемещается (или перемещалось до аттракции) при склонении и спряжении¹³. На всей территории факультативно встречается акцентуация типа *latàkùs* ‘(вин. п. мн. ч.) лотки, желобы’, *pragèrtè* ‘пропитые’, *latàks* ‘лоток, желоб’, *pramès* ‘(он) прокормится’ вместо „закономерного“ *làtākùs*, *pràgèrtè*, *làtāks*, *pràmès* (ср. *latāka* ‘лотка, желоба’, *pragèrta* ‘пропитого’, *pramèso* ‘прокормлюсь’ и т.д.), но варианты **pažàstès*, **kèbèrkštè* вместо *pàžàstès* ‘подмышка’, *kèbèrkštès* ‘искра’ нигде не зафиксированы; даже акцентуация типа *kramès* вместо *kràmès* ‘(вин. п. мн. ч.) головы (пресмыкающихся или рептилий)’ в северожемайтских говорах встречается лишь как редчайшее исключение, связанное с сильной эмфазой.

Рассмотренные наблюдения свидетельствуют о том, что жемайтскую аттракцию ударения нельзя толковать как обычное спонтанное диахроническое явление, сразу охватившее всю систему наречия и весь современный ареал. Рецессивное ударение представляет собой результат длительного и противоречивого процесса, в ходе которого оно не только расширило свой ареал, но и постепенно освобождалось от различных морфологических, фонологических и интонационных ограничений. Можно даже утверждать, что жемайтская аттракция

¹⁰ Судя по предварительным наблюдениям и экспериментам, оппозиция названных двух типов слоговых интонаций существует и в аукштайтских говорах (кстати, об этом уже сообщила О.Косене на IV Всесоюзной конференции балтистов).

¹¹ См. Pabrėža J. Kirčio atitraukimo svyravimai šiaurės žemaičių tarmėje. — *Kalbotyra*, 1981, t. 32 (1), p. 66–73.

¹² По-видимому, эти факты опровергают смелую попытку Л. Г. Герценберга считать северожемайтскую акцентуационную модель архаичнее системы южных аукштайтских говоров (см. Герценберг Л. Г. Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций. — В кн.: Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979, с. 47–50).

¹³ Об этой тенденции явно свидетельствуют и факты южножемайтских говоров (ср. Vítkauskas V. Kuršėnų tarmės kirtis ir priegaidė. — *LKK*, 1960, t. 3, p. 64).

ударения находится в стадии становления и в настоящее время. Основную роль в этом процессе играли и по сей день играют интонационные и морфологические факторы¹⁴. Без сомнения, истоки аттракции ударения следует искать в слабых позициях фразы, а решающее влияние на ее утверждение и географическое распространение оказали морфологические особенности акцентуационных парадигм.

Исходной фонологической предпосылкой жемайтской аттракции ударения следует считать сокращение и редукцию гласных фонем в безударных (и только безударных) окончаниях. Эти явления в жемайтском наречии (и в северо-западных аукштайтских говорах) породили чередования гласных типа *-V: -V̄, -V: -ə*, ср.: **gerũos*¹⁵ '(род. п. ед. ч.) хорошей': **gèras* '(им. п. мн. ч. ж. р.) хорошие', **šakàs* '(вин. п. мн. ч.) ветви': **tàk(ə)s* 'тропа'. В результате этого процесса окситоническое (конечное, „мужское“) ударение потеряло различительную функцию — превратилось в автоматическое сопровождение нередуцированного вокализма окончаний. Функциональную значимость этого ударения еще более снизило удлинение ударных неконечных гласных, т.е. изменения типа **gèras* → *gê.ras*, **tàka* → *tâ.ka* 'тропы, тропу'. После этих изменений аттракция (или даже потеря) окситонического ударения стала функционально „неопасным“ изменением, поскольку акцентуационные контрасты теперь заранее компенсировались вокалическими оппозициями типа *-a.-: -a-, -e.-: -e-, -uo: -a, -ie: -e* и т.д.¹⁶.

Исключительное значение этих факторов косвенно доказывается существованием окситонического ударения на акутированных окончаниях. Это ударение не подверглось аттракции потому, что акутовая (прерывистая) слоговая интонация встречается и в заударных окончаниях, ср.: *křòšâ* '(ты) ковырял': *křòšâ* 'граду', *statê* '(ты) ставил, строил': *stâtê* 'прямо', *pasakâ* '(ты иногда) говоришь': *pàsakâ* 'сказке'. Перед акутированными долгими слогами ударные гласные в северожемайтских говорах, как правило, сохраняют исконную кратность, поэтому оттяжка ударения с акутированных окончаний уничтожила бы противопоставление таких словоформ. С другой стороны, акут

¹⁴ О том, что словоизменительные парадигмы могут оказывать влияние на фонологические процессы, см. Malkiel Y. The inflectional paradigm as an occasional determinant of sound change. — In: Directions for Historical Linguistics: A Symposium / Eds. W. P. Lehmann and Y. Malkiel. Austin—London, 1968, p. 21—64.

¹⁵ Здесь и в дальнейшем приводятся условные реконструкции, поскольку нам неизвестна относительная хронология некоторых изменений вокализма по отношению к рассматриваемым просодическим явлениям.

¹⁶ Ср. Kuryłowicz J. Problèmes de linguistique indo-européenne. — Wrocław, 1977, p. 219; Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. — М., 1960, с. 219—221.

конечных неударных слогов даже содействовал аттракции ударения с соответствующих циркумфлектированных окончаний: новая метатония типа *-â : -ã*¹⁷, исторически обусловленная различным местом ударения, дала возможность переносить ударение с циркумфлектированных окончаний, не нарушая смысловозначительной оппозиции, существовавшей до этого переноса: и *sènê* ‘старики’: *senĕ* ‘давно’ (без оттяжки), и *sènê* : *sènĕ* (с оттяжкой) представляют собой различные словоформы.

Сокращение безударных циркумфлектированных окончаний содействовало перестройке акцентуационной системы еще и в другом отношении. Это изменение резко увеличило количество безударных кратких окончаний — краткость гласного в окончаниях стала почти однозначным сигналом безударности. Скорее всего, этим обстоятельством (совместно с чисто фонетическими факторами) объясняется исключительно широкое распространение так называемой условной аттракции (т.е. оттяжки ударения только с кратких окончаний); кроме того, как известно, аттракция долготного ударения в литовских говорах всегда имплицитно аттракцию краткостного ударения.

Итак, в результате рассмотренных изменений вокализма ударение конца слова лишилось самостоятельной функции и превратилось в избыточное „сопровождение“ определенных вокалических признаков. Эта „деградация“ создала благоприятные условия для замены окситонического ударения другой, в функциональном отношении более удобной и целесообразной моделью.

Судя по фактам существования промежуточных второстепенных ударений, первым шагом в формировании более рациональной акцентуации был факультативный перенос ударения с кратких окончаний на предпоследний слог: наряду с исконными **uobelĕs* ‘яблоня’, **pažastĕs* ‘подмышка’, **kėbėrkštĕs* ‘искра’, **veštėkĕs* ‘(вин. п. мн. ч.) курочек’, **līdekà* ‘щука’, **kaušīnė* ‘яичницей’ в некоторых пунктах появились факультативные варианты **uobėlĕs*, **pažàstĕs*, **kėbėrkštĕs*, **veštėkĕs*, **līdėkà*, **kaušīnė*. Этому изменению и его распространению содействовали некоторые синтаксические и интонационные факторы, — прежде всего, вышеупомянутая димомия ударения (стремление избежать столкновения двух сильных ударений) и интонационное неудобство окситонических форм. Как известно, в таких словоформах крайне затруднена реализация фразового ударения и финальных (заклучи-

¹⁷ Эта метатония (точнее — появление глоттального „толчка“) в своих истоках тоже представляет собой результат редукции конца слова (см. Гирденис А. Функциональные мотивы преобразования жемайтской просодики слова. — В кн.: IV Всесоюзная конференция балтистов. Рига, 1980, с. 129).

тельных) контуров фраз и синтагм¹⁸. Воздействие на рассмотренный процесс могло оказать и ослабление акцентуационных контрастов в слабых позициях фразы, весьма характерное для северожемайтских говоров. В северожемайтских словоформах, не обладающих фразовым или синтагматическим ударением, почти не различаются даже такие минимальные пары, как *stàtê* : *statê*, *pàsakâ* : *pasakâ*, *rišî's* 'будешь связывать (для себя)' : *rišî's* 'связываешь (для себя)'¹⁹.

В двусложных словах новое парокситоническое ударение по месту совпало с исконным корневым ударением. Поэтому во многих новых ареалах эта акцентуация была воспринята как выравнивание акцентуационных

¹⁸ Этим объясняется исключительное распространение парокситонической („женской“) акцентуации в языках мира (ср. Bolinger D. Intonation across languages. — In: Universals of Human Language. Phonology / Ed. J. H. Greenberg. Stanford, 1978, vol. 2, p. 480—482; Human L. M. Phonology. Theory and Analysis. — New York etc., 1975, p. 209: “penultimate position is favored over final position by languages”).

¹⁹ Наши экспериментальные исследования просодических признаков двусложных минимальных пар типа *rišî's* : *rišî's*, *stàtê* : *statê* показали, что такие квазиомонимы обладают четкими различительными признаками только под логическим ударением. Напр., средняя интенсивность первого (предударного) и второго (ударного) слога окситонических словоформ (*rišî's* и др.) соотносится как 11,6 (± 1,9) дБ : 12,2 (± 1,5) дБ, средний основной тон — как 14,8 (± 1,3) пт : 16,9 (± 1,5) пт (т.е. ударный слог на большую секунду выше предударного). Интенсивность первого (ударного) и второго (заударного) слога парокситонических словоформ (*rišî's* и др.) под логическим ударением соотносится как 12,0 (± 1,5) дБ : 9,9 (± 2,4) дБ, средний основной тон — как 18,0 (± 1,4) пт : 11,5 (± 1,9) пт (т.е. ударный слог приблизительно на квинту выше заударного). Совсем иная картина обнаружена в словоформах, не обладающих логическим ударением. В предударных окситонических словоформах интенсивность первого и второго слога характеризуется значениями 12,3 (± 1,7) дБ ; 12,7 (± 1,4) дБ, основной тон — 14,6 (± 1,5) пт : 14,6 (± 1,0) пт, в парокситонических словоформах интенсивность — 13,1 (± 1,7) дБ : 12,9 (± 1,4) дБ, основной тон — 15,4 (± 1,1) пт : 14,7 (± 0,7) пт. По существу те же отношения наблюдаются и в словоформах, стоящих после логического ударения: интенсивность окситонических словоформ — 10,7 (± 1,5) дБ : 10,5 (± 2,0) дБ, основной тон — 11,5 (± 1,5) пт : 11,3 (± 1,2) пт, интенсивность парокситонических словоформ — 10,5 (± 2,4) дБ : 9,3 (± 2,0) дБ, основной тон — 11,5 (± 1,3) пт : 10,5 (± 1,4) пт. О тенденции к нейтрализации акцентуационных контрастов в слабых позициях фразы свидетельствуют и результаты аудитивного эксперимента, выполненного нами совместно с Р. Кубилюте-Клюкене. Представители северожемайтских говоров правильно распознавали всего лишь 63,75% (т.е. меньше 2/3) предъявленных им в случайном порядке минимальных пар типа *rišî's* : *rišî's*, выделенных при помощи сегментатора из слабых (предударных и заударных) позиций фразы, в то время как те же пары, выделенные из сильной (ударной) позиции, идентифицировались почти безошибочно (98,75% правильных ответов).

парадигм, т.е. как перенос окситонического ударения на ту морфему, на которую оно издавна перемещалось при словоизменении. Таким образом, фонетическое явление получило морфологическую реинтерпретацию и морфологический смысл.

Прежде всего, согласно новому принципу перестроилась акцентуация форм типа **uobèlès*, **duovènà* ‘подарок’, **līgòmà* ‘равнина’, в которых перед рецессивным ударением стоял долгий слог, в сильных формах акцентуационных парадигм получавший „обычное“ ударение (ср. вин. п. ед. ч. **úobeli*, **díovena*, **līgoma*)²¹. О ранней аттракции ударения в таких формах убедительно свидетельствуют соответствующие формы существительных второй акцентуационной парадигмы (т.е. трехсложные формы с исконным закономерным чередованием окситонического и парокситонического ударения), ср.: *lī·gòmà* ‘равнина’ : *lī·dèkà* ‘щука’, *ḡudègà* ‘хвост’ : *pḡudàlūs* ‘(вин. п. мн. ч.) горшки’, *wūobelès* ‘яблоня’ : *trúobelès* ‘(вин. п. мн. ч.) хижины’. Первый слог словоформ типа *lī·gòmà*, *ḡudègà*, *wūobelès* обладает обычным длительным циркумфлексом, а в формах *lī·dèkà*, *pḡudàlūs*, *trúobelès* этот слог значительно короче и произносится с так называемой средней или резкой интонацией — точно такой, как в словоформах типа *gī·wūos* ‘(род. п. ед. ч. ж. р.) живой’, *trúobūos* ‘избы’ и др.

В дальнейшем морфологический принцип был обобщен независимо от места ударения и количественных характеристик слогов — наряду с **pažàstès*, **kèbēr̀kštès*, **lḡndḡnès* ‘ногтеда’ появляются инновационные перспективные варианты *pàžastès*, *kèbēr̀kštès*, **lḡndḡnès*. В некоторые ареалы они проникли даже без промежуточной фонетической стадии, о чем свидетельствуют формы типа *pàžastīs*, *kḡbīrkštīs* шаукенского говора²², на чисто „морфологическое“ прошлое которых указывает отсутствие второстепенного рецессивного ударения²³.

²⁰ О современных северожемайтских акцентуационных парадигмах см. Лаучюте Ю. А. Акцентуационные особенности имен существительных в жемайтском диалекте литовского языка. — В кн.: Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков, с. 153—161.

²¹ Тенденция к связи ударения с долготой („тяжестью“) слога весьма распространена в языках, обладающих дистинктивным количеством гласных (см. Human L. M. Op. cit., p. 206—207; Girdenis A. Fonologija. — V., 1981, p. 178—179). В жемайтском наречии эта тенденция, по-видимому, „оживила“ в связи с начавшимся удлинением кратких ударных гласных в словоформах типа **tàka* (→ < *tà.ka* >), **sèna* ‘(вин. п. ед. ч.) старого’ (→ < *sè.na* >).

²² Информация А. Росинаса.

²³ Впервые об этом на материале куршенского говора сообщил В. Виткаускас (Vitkauskas V. Apie triskiemenių žodžių viduriniojo skiemens atitrauktinį kirtį Kuršėnų šnektoje. — LTSR MA darbai. Serija A, 1972, t. 1, p. 151—154).

Решающее воздействие на морфологизацию рецессивного ударения оказало окончательное падение кратких безударных гласных во флексии²⁴, из-за которого парокситоническое ударение форм типа **latàkəs*, **verpètəs* 'водо-ворот' стало окситоническим (**latàks*, **verpèts*). Теперь рецессивное ударение типа тв. п. ед. ч. **latàkò*, **verpètò*, мест. п. ед. ч. **latàkè*, **verpètè*, вин. п. мн. ч. **latàkùs*, **verpètùs*, существовавшее наряду с унаследованным ударением форм типа вин. и род. п. ед. ч. *latà.ka*, *verpè.ta*, им. п. ед. ч. *latàks*, *verpèts*, могло толковаться и восприниматься только как колумнальная акцентуация соответствующей (в данном случае — предпоследней) морфемы.

Стадия относительно последовательной морфологической аттракции убедительно восстанавливается по вышеупомянутым колебаниям рецессивного ударения в связной северожемайтской речи; почти в чистом виде она до сих пор сохраняется, напр., в шаукенском южножемайтском говоре, где наряду с *duòvenà*, *pàžastìs*, *kìbirkštìs* возможны только *li·dèkà*, *vištìkès*, *latàks*, *verpèts*. Реальность этой стадии косвенно доказывается и тем, что в современных говорах ударение по существу никогда не оттягивается с внутренних слогов²⁵, а также и исключительно частым сохранением конечного ударения в неизменяемых словах и окситонических местоимениях (в этой связи особый интерес представляет по существу несклоняемое *niekàs* 'ничего', всегда произносимое с конечным ударением). Свидетельством исчезнувшей (точнее — исчезающей) морфологической акцентуации следует считать и большую частоту окситонического ударения в формах так называемого 3 лица будущего времени, напр.: *patès* '(он) бросит, потеряет', *pralàks* '(он) пропьет', *solèjks* '(он) согнет'. Это ударение относится к той же акцентуационной „колонке“, что и ударение в формах 1 и 2 лица, ср. 1 л. ед. ч. *patè.sə*, *pralà.kəsə*, *solèjksə*, 2 л. мн. ч. *patè.sət*, *pralà.kset*, *solèjksət*.

Новая акцентуация форм типа **kèbĕrkštès*, **lòndõnès* в новых местах распространения могла быть истолкована как морфологически мотивированная аттракция ударения с долгого неаккутированного слога. Поэтому по модели $\cup \simeq \rightarrow \text{нов.} < \overset{\sim}{\cup} \simeq >$ (**kèbĕrkštès* \rightarrow *< kèbĕrkštès >*) и $- \simeq \rightarrow \text{нов.} < \overset{\sim}{-} \simeq >$ (**lòndõnès* \rightarrow *< *lòndõnès >*) кое-где появляются факультативные и интонационные варианты *geruðs* \rightarrow *< gèruðs >*, *gerūn* \rightarrow *< gèrūn >* 'хороших', *laukã* \rightarrow

²⁴ Реликтом этих гласных, по-видимому, является „эмфатик“ -ə, в современных жемайтских говорах выполняющий лишь экспрессивную функцию (ср. *doúk* 'дай': *doúk-ə* 'дай же!', *vã·ks* 'ребенок': *vã·ks-ə* 'ребенок же!').

²⁵ Исключением является звательный падеж — в синтаксическом отношении периферийная форма, — ударение которого обычно оттягивается как с конечных, так и с внутренних слогов, ср.: им. п. мн. ч. *mergã·tēs* 'девушки': зв. п. мн. ч. *mèrgã·tēs* 'девушки!', *vai·kòkã* 'мальчики': *vai·kòkã* 'мальчики!'.

< *lāukā* > ‘поля’ и т.д. Как уже говорилось, предпосылки для такого изменения существовали уже с момента сокращения безударных долгих циркумфлектированных гласных.

Наконец, факультативная акцентуация типа **pažàstēs* → < *pàžàstēs* >, **lōndōnēs* → < **lōndōnēs* > в некоторых говорах²⁶ могла восприняться не как морфологическое, а как фонологическое явление, т.е. как перенос ударения просто с конечного и соответствующего внутреннего слога на начальный. Это неизбежно повлекло за собой соответствующие колебания места рецессивного ударения в многосложных парокситонических („женских“) словоформах: наряду с **līdèkà*, **veštèkēs*, **kaušīnē* появились варианты типа *lī·dèkà*, *veštèkēs*, *kāušī·nē*. Корневой иктус в таких формах может восприниматься только как ударение первого слога, а не первой морфемы, поскольку он локализован перед „колонкой“ морфологического ударения (ср. им. п. ед. ч. *lī·dèkà* : вин. п. *lī·dē·ka*, им. п. мн. ч. *veštē·kēs* : вин. п. *veštē·kēs*). В четырехсложных (пятисложных и т.д.) словоформах новое ударение должно появиться на втором (третьем и т.д.) слоге от начала, но такая акцентуация принципиально невозможна²⁷. Поэтому с указанного момента постепенно обобщается рецессивное ударение первого слога, выполняющее кульминативную и делимитативную функцию. Это обобщение постепенно охватывает и словоформы с так называемыми вторичными (т.е. фонетически или морфологически сокращенными) неаккутированными окончаниями — такие, как *latàks* → < *làtàks* >, *galvuō* ‘в голове’ → < *gàlvuō* >, *darbinīņks* ‘работник’ → < *dàrbiniņks* > и др. Таким образом, окситоническое ударение, потерявшее смысл в результате редукции гласных в безударных окончаниях, перешло на первый слог и получило совершенно новую функцию.

Появлению, распространению и закреплению делимитативного ударения на первом слоге содействовали и некоторые другие обстоятельства. Во-первых, для жемайтского наречия вообще очень характерны регрессивные фонетические и фонологические „долгие компоненты“²⁸ — такие, как регрессивная ассимиляция (гармония) гласных и цепная палатализация согласных и гласных в словоформах типа *rē·tēņō* ‘шайбой, свитком’ : *rē·tēņō* ‘(я) катаю’²⁹. Во-вторых, переходе от парокситонического ударения к начальному благо-

²⁶ Прежде всего — там, где в основном сохранялась более архаичная „доморфологическая“ аттракция.

²⁷ Ср. Kuryłowicz J. Problèmes..., p. 217.

²⁸ На это несколько лет тому назад обратил внимание С. Каралиюнас (Karaliūnas S. Žemaičių tarmių savitumai. — Pergalė, 1974, Nr. 4, p. 174).

²⁹ См. Girdenis A. Fonologija, p. 155, 169 ir kt.; Его же. Mažeikių tarmės fonologinės sistemos apžvalga. — Baltistica, 1971, t. 7 (1), p. 27.

приятствовала тенденция к хорейческому ритму слова, которая, судя по четким второстепенным ударениям в словоформах типа *pòskæpâ.lis* ‘полубуханка’, в северожемайтских говорах издавна была ярко выраженной. В-третьих, просодическую значимость первого слога несомненно повышал и повышает своеобразный эмфатический интонационный акцент, напоминающий *accent d'insistance* французского языка³⁰, в некоторых случаях падающий на первый — как ударный, так и безударный — слог и выражающий противоречие, напр.: *je^ebentâ's* ‘где уж!’, *Pa^asakâu* ‘нет, я же сказал!’, *so^odâũžę* ‘нет, он разбил же!’ (ср. нейтральные *jèbentâ's*, *pasakâu*, *so^odâũžę*)³¹. Рецессивное ударение первого слога, появившееся вместо окситонического, частично упразднило противоречие между этим эмфатическим акцентом и акцентуацией слова.

Наконец, фиксацию ударения поддерживает и редукция кратких окончаний, восходящих к циркумфлектированным: в неполных стилях речи лишь рецессивное ударение различает такие словоформы, как *nùpěr̃k* ‘купи’: *nupěr̃k^(a)* ‘(он) купил’, *ũžměr̃š* ‘забудет’: *užměr̃š^(a)* ‘(он) забыл’, *silũos* ‘(род. п.) силы’: *silũos^(a)* ‘силоса’ (Тиркшляй).

В заключение следует сказать, что, *mutatis mutandis*, предлагаемая нами диахроническая гипотеза может объяснить и аукштайтскую оттяжку ударения (которая, кстати, до сих пор сохраняет в основном морфологический характер). И в североаукштайтских (в особенности — северопаневежских) говорах имеются различные компенсационные явления вокализма (напр., расширение *i*, *u* в предударных слогах, полудолгота всех неконечных ударных гласных и многие другие³²), которые могли привести к „деградации“ окситонического ударения и связанной с этим тенденции к колумнальной морфологической акцентуации.

³⁰ О возможном влиянии такого акцента на судьбу словесного ударения см. Марти-не А. Указ. соч., с. 217—218.

³¹ По предварительным экспериментальным данным, краткий [a] первого слога слов с этим эмфатическим акцентом на 1,5 дБ интенсивнее и приблизительно на квинту—сексту выше следующего за ним ударного [a]. Длительность этих гласных соотносится как 1,2 (первый слог): 1 (ударный слог). Следовательно, первый эмфатически выделенный слог превосходит ударный слог по всем просодическим признакам.

³² Кроме этого, вполне возможно, что долгие окончания, восходящие к общелитовским ударным циркумфлектированным, в восточноаукштайтских говорах были сокращены только после аттракции ударения, поскольку, как полагает З. Зинкявичюс (*Zinkevičius Z. Kodėl dalis rytų aukštaičių trumpina kirčiuotų ilgųjų galūnių vokalizmą. — Kalbotyra, 1978, t. 29 (1), p. 97—99*), это сокращение скорее всего является результатом аналогического выравнивания (т.е. обобщения безударных алломорфов). Сходным выравниванием, возможно, объясняется и крайне неестественная редукция кратких ударных (или восходящих к ударным) гласных в паневежских говорах.